

9. Сугоняй Василий. Михаил Садовяну. Жизнь и творчество. М., «Советский писатель», 1959.
10. Argeotesei C. Mihail Sadoveanu și literatura rusă. — «Scrisuri bănățean», 1960, № 11.
11. Bratu Savin. Mihail Sadoveanu. Editura pentru literatură, București, 1963.
12. Despre literatură și artă sovietică. Institutul de studii romîno-sovietic. București. Prelegeri din anul academic 1947—1948.
13. Dumitrescu-Bușulenga Z. Tolstoi și Sadoveanu. — «Lucea-fărul», 1960, 1 decembrie, № 23.
14. Harea V. Turgheniev și Sadoveanu, «Iașul literar», 1960, № 11.
15. «Iașul literar», 1960, № 11.
16. «Lucea-fărul», 1960, 1 decembrie, № 23.
17. Macrea F. Mihail Sadoveanu și URSS, «Lucea-fărul», 1960, 15 noiembrie, № 22.
18. Mirodan Al. Sadoveanu și Uniunea Sovietică, «Gazeta literară», 1955, 27 Octombrie, № 43.
19. Sadoveanu M. Lumina vine dela răsărit. București, 1945.
20. Sadoveanu Mihail. Caleidoscop. București, E. S. 1946.
21. Sadoveanu Mihail. Evocări. Editura de Stat pentru Literatura și Artă, 1954.
22. Sadoveanu Mihail. Mărturisiri. Editura de Stat pentru Literatura și Artă, 1960.
23. «Scrisul bănățean», 1960, № 11.
24. Turgheniev I. Povești vînatoresti. București, Minerva, 1909.
25. Bibliografia Republicii Populare Române 1948—1960. București, 1965

*Кафедра русской литературы
Черновицкого университета*

С. И. Беляева

Связи Н. Тихонова с украинской литературой

(К 80-летию со дня рождения Н. С. Тихонова)

Сравнительно-исторический метод исследования является исходным при изучении творческих связей выдающегося русского писателя Н. Тихонова с литературами братских народов Советского Союза. И. Гринберг, В. Шошин, Б. Соловьев, А. Турков [3; 20; 12; 18], характеризую художественную эволюцию Н. Тихонова в процессе становления советской литературы, в основном прослеживали взаимодействие его творчества с литературами братских республик Советского Востока и Средней Азии. В итоговом сборнике «Творчество Николая Тихонова» Тихонов представлен как поэт, наделенный обостренным сознанием великой интернациональной значимости Октября, органично связанный не только с братской Грузией, Арменией, Туркменией, но и с Прибалтикой, Белоруссией. Такое расширение

границ связей русского поэта с национальными республиками вполне правомерно, ибо, как отмечал М. Рыльский, «постижение новизны» — это могло бы стать девизом Тихонова» [11, т. 4, с. 353].

Заслуживает пристального внимания и многолетнее духовное эстетическое родство Н. Тихонова с украинской литературой. В его жизнь и творчество Украина вошла «как песня, как жизнь, как душа». Неоднократно любовался он бескрайними украинскими степями, слушал задушевные народные песни, бывал в Переяславле-Хмельницком, Каневе, на родине Шевченко, Франко. Давняя дружба связывает Н. Тихонова с украинскими мастерами слова. «Дружба наша и любовь пребывают на этой земле твердо и повалить их никакой буре не под силу» [10, ф. 137, № 1281], — писал он М. Рыльскому.

Активность связей Н. Тихонова с украинской литературой отмечали известные мастера слова П. Тычина, М. Рыльский, М. Бажан, литературоведы Л. Новиченко, Ю. Суровцев, С. Крыжановский, В. Ковалевский. Но, тем не менее, целостная картина этих связей не создана. Статьи, воспоминания, опубликованные Н. Тихоновым за последние годы, дают возможность пополнить представление о возникновении его контактов с мастерами слова Украины. Во второй половине 20-х годов писатели этой братской республики встретились в Ленинграде с Н. Тихоновым. «Тогда впервые, — вспоминал Н. Тихонов, — я увидел в шумных дискуссионных беседах, в дружеском общении и Павла Тычину, и Максима Рыльского, Миколу Бажана и Владимира Сосюру» [14, с. 8].

Как показало время, эти встречи оставили в его жизни глубокий след: «Стал другом мне и богатырь украинской стиховой стихии Максим Рыльский, и другой богатырь — Павло Тычина, принесший свои дары в советскую поэзию» [15, с. 4].

Однако в 20-е годы контактные связи Н. Тихонова с поэтами Украины носили еще спорадический характер. Доминирующей же в молодой многонациональной советской литературе была типологическая общность. Октябрь способствовал тому, что при всей неповторимости художественной индивидуальности Н. Тихонова и украинских поэтов первого революционного призыва — П. Тычину, В. Сосюру, М. Бажана — сближала все усиливающаяся идейно-политическая солидарность, единство эстетических критериев и творческого метода, стремление вдохновенно раскрыть героико-романтический образ восставшего народа. Эта идейная, эстетическая общность создавала основу для возникновения типологических тенденций в романтической поэзии Н. Тихонова и украинских собратьев по перу.

Выходец из семьи ремесленника, Н. Тихонов помнил ночь 9 января 1905 г., потемневшие, замерзшие лужи крови, костры, у которых грелись солдаты в башлыках. Полны горечи были его стихи об империалистической войне, «арене бойни мировой». В цикле стихотворений «Жизнь под звездами» он писал:

Только я ожидаю восхода
Необычного солнца, когда
На кровавые нивы и воды
Лягут мирные тени труда. [17, т. 1, с. 61]

Подобными чувствами, настроениями жили многие прогрессивные поэты-современники. В сборник «Сонячні кларнети» (1918 г.) П. Тычина включил не только поэзию, излучающую свет любви, музыку, но и стихи, в которых с гневом осуждал мировую бойню. В стихотворении «По блакитному степу» юная вдова шлет проклятие мировой войне:

Гляне сонце, як дитя,
А в селі голод!
Ходять матері, як тіні,—
Вороний вітер...
На чужині десь ген-ген
Без хреста; ворон...
Будьте прокляті з війною,—
Вороний вітер... [8, с. 41]

У обоих поэтов тревожно пробивается предчувствие роковых, решающих событий. Русский поэт ожидает восхода «необычного солнца». У П. Тычины по просторам Украины гуляет «вороний вітер», предупреждающий, по выражению Л. Новиченко, о появлении мсгучих ветров, которые загудят на страницах будущих книг поэта [8, с. 41].

И вот в 1917 г. весь мир услышал громовые раскаты революции. «Купельная ода» — так называется одно из первых тихоновских стихотворений об этом ошеломляющем событии. Молодой поэт полон самых разных и необычных впечатлений. У него перед глазами «паровозы, сбежавшие с ума, разбитые в тупиках», юбки жешщин, порванные на знамена, разбитые короны. В муках и крови рождается новый мир. Н. Тихонов не забыл об ожидании «необычного солнца». Да, именно эту революцию он ждал. Обращаясь к ней, поэт провозглашает в «Купельной оде»:

Это ты,
Солнце всех небосклонов —
Революция! [17, т. 1, с. 14]

Так же воспринял революцию и П. Тычина. В сборнике «Плуг» (1920 г.) ветер несет за собой бурю, революцию, которая «трощить, ламае, з землі виривае...».

В восприятии революции Н. Тихоновым и П. Тычиной прослеживается определенная общность. Они с горечью писали о войне, развязанной властью имущими, и с большой страстью заговорили о революции. В их первых поэтических откликах — романтически восторженное восприятие событий. С поэтами Пролеткульта, «Кузницы» их сближает склонность к несдерживаемой экспрессии чувств, к динамике действия, символике (солнце, ветер). Безудержный ветер появился и в поэме А. Блока «Двенадцать». Б. Лавренев создал повесть «Ветер»,

само название которой — романтический образ революции. Н. Тихонов, П. Тычина были в числе тех писателей, кто наиболее выразительно запечатлел это особенно ценное первое восприятие революции. Общность мироощущения, как видим, породила художественно близкие образы-символы.

Но вернемся к стихотворению «Плуг» и «Купельной оде». Вот как представлялось Н. Тихонову рождение новой эры:

Лежит он —
Новый мир
В пеленках
Грядущего.
Сильного, розового ребенка,
Единого, сущего,
Силой своего ремесла
Лирной и трубно́й,
Неподкупный
Поэт, слава! [17, т. 1, с. 15]

Конечно, это еще стиль не того Н. Тихонова, которого мы представляем по звучанию «Орды», «Браги». Но ведь очень важно, что он утверждал до появления этих сборников, с каким мировоззрением, представлением о месте поэта в жизни общества подошел Н. Тихонов к следующему этапу в своей творческой судьбе. «Лирно и трубно» поэт должен славить революцию. Нельзя не почувствовать идейно-художественную близость такого утверждения со словами В. Маяковского, обращенными к людям революции:

...все, что я сделал,
рифмы,
темы,
дикция,
бас! —
все это ваше —

Отстаивая завоевания нового строя, П. Тычина, как отмечает Ю. Кобылецкий, с революционной страстностью выступил против национальной ограниченности и национального трубадурства [9, с. 336]. В стихотворении «Плуг» он гневно осудил интеллигентов, которые, испугавшись революции,

...тікали
В печери, озера, ліси.
— Що ти за сяло еси? —
питали. [19, т. 1, с. 53]

Рождение нового мира вдохновляло поэтов на изображение революционных событий, конфликтов, на создание возвышенного героического характера. Высокий накал событий Октября обусловил патетическую приподнятость, окрыленность повествования, определил использование поэтами революционной символики, особо ярких красок. Все это создавало основу для развития романтического стилевого течения в границах метода социалистического реализма.

Романтизм поэтов революции возник как результат органического слияния с эпохой. Одно желание сближало поэтов, при-

званных революцией: отдать ей все свои силы, поэтому они пошли путем интенсивных творческих исканий. Приобретения П. Тычины основывались на тщательном, творческом усвоении традиций устного народного творчества. Н. Тихонов по-новому переосмысливал традиции жанра баллады. Уже в 1923 г. замечательные тихоновские «Баллада о синем пакете», «Баллада о гвоздях», «Перекоп» увлекли украинских мастеров слова, склонных к романтическому изображению событий революционного времени. Сравнительный анализ приводит к выводу, что в украинской литературе наиболее близким к тихоновским балладам в своем творчестве был М. Бажан. Первая его баллада — «Про Євмена», напечатанная в 1923 г. («Глобус», 1923, № 2), была пробой сил в новом жанре, осваиванием и вживанием в него.

Для баллад Н. Тихонова характерно максималистическое подчинение личного делу революции. Его герои ни секунды не раздумывают над своей судьбой. В центре же внимания М. Бажана — сложные внутренние переживания Евмена, приходящего к выводу о необходимости подчинения революционной дисциплине, верности революционному долгу. Продолжая работу над жанром баллады, углубляя содержание, совершенствуя стиль, М. Бажан в 1926 г. издает первый поэтический сборник «17-й патруль», герои которого — участники гражданской войны. С тихоновскими образами их роднит стремление полностью отдать свою жизнь революции, бескомпромиссность, мужество, стойкость перед врагом. В балладе «Про жито й кров» петлюровец, издеваясь над умирающим большевиком, вырезает у него на груди пятиконечную звезду:

Криком би груди роздерти,
Роздряпати зойком ніч,
Та вміє зустрінути смерть він —
Не власти, не клякнути ниць. [1, т. 1, с. 43]

Идейная направленность произведения, трагизм происходящих событий близки по духу балладам Н. Тихонова. Но в этой балладе М. Бажана еще ощутимы повествовательные длинноты, излишне часты пейзажные зарисовки. Увлечшись балладной поэтикой, он не отказывается от пейзажного обрамления лирических отступлений, хотя и старается максимально сократить их. Подтверждение этому — баллада «Протигаз», имеющая несколько редакций. Первый ее вариант под названием «Пісня про протигаз» был напечатан в журнале «Глобус» (1924, № 16). После этой публикации автор продолжил работу над балладой: убрал излишние повторы, лирико-эмоциональные метафоры, сравнения — то, что задерживало стремительное развитие действия, не соответствовало экспрессии событий. Все это значительно сильнее выявило жанровую специфику баллады М. Бажана и приблизило ее к «Перекопу», «Песне об спускном солдате» Н. Тихонова.

В балладах Н. Тихонова и М. Бажана зримо предстает романтический герой — участник гражданской войны. Дальнейшая эволюция этого героя, зачастую воедино сливающегося с авторским «я», убедительно прослеживается в их творчестве.

Целесообразно вести разговор о тех произведениях Н. Тихонова и М. Бажана, в которых четко выявлено их понимание сути такого героя. В конце 20-х годов некоторые критики ошибочно утверждали ущербность романтизма, видя в нем лишь проявление субъективного идеалистического мировоззрения. Правда, со временем от выдвигаемых им в те годы обвинений в адрес романтизма отказался А. Фадеев. Он стал одним из защитников революционной романтики, считая, что она органически слита с социалистическим реализмом. В 1933 г. на закономерность существования романтической окрыленности в нашей литературе, отражающей саму действительность, указал А. В. Луначарский. Он считал, что социалистический реализм в известной степени немислим без примеси романтики [7, т. 8, с. 527].

Примечательно, что в поэзии Н. Тихонова и М. Бажана в 20-е годы осознание возникающей романтической закономерности выразилось наглядно, удивительно солидарно. Поэты ощущали, что должны меняться качества их романтического героя: из отвлеченного литературного он должен становиться все более конкретным, жизненным. Об этом свидетельствует стихотворение Н. Тихонова «Я одержимый дикарь, я гол», написанное между 1921 и 1922 годами. Романтические грезы, видения лирического героя в этом стихотворении не лишены обаяния. Он очарован двадцатипятилетним седым чудачком Стивенсоном, приведшим шхуну к Тучкову мосту, его душу тревожат экзотические пули, стрелы. И все же он приходит к мысли о необходимости отказаться от прежних романтических иллюзий:

Но я такой — не молод, не сед —
И шхуне, что в душу вросла,
Я не могу прочертить ответ
Соленым концом весла.
Пусть уходит в моря, в золото, в лак
Вонзая в китов острогу. [17, т. 1, с. 109]

Очевидно, лирическому образу (его родство с авторским «я» нельзя не почувствовать) стала ближе суровая романтика моря в противоположность вымышленной шхуне, уходящей «в золото, в лак». Н. Тихонов и его лирический герой за романтику жизни, а не вымысла.

В 1928 г. украинский писатель Ю. Яновский опубликовал повесть «Майстер корабля», герой которой — То-Ма-Ки (Товарищ Мастер Кино) — в старости вспоминает свои многочисленные приключения. В колоритном многоаспектном произведении Ю. Яновский прославлял романтические паруса корабля, шум волн, сильных и страстных путешественников.

На роман Ю. Яновского М. Бажан откликнулся стихотворением «Нічний рейс» (1929 г.). Нельзя не почувствовать, как близок М. Бажан, оценивая «Майстра корабля», к концепции романтического у Н. Тихонова. «Нічний рейс» М. Бажана родствен тихоновскому стихотворению «Я одержимый дикарь, я гол» прежде всего по мироощущению: в нем тоже создан образ лирического героя, который не скрывает своего восхищения «ветром изысканных катастроф», для него «шукання катастроф, і мандрів, і натхнень — Утіха всіх утіх, розрада всіх розрад» [1, т. 1, с. 117].

Лирического героя Н. Тихонова преследует видение романтической шхуны, у героя М. Бажана все еще перед глазами корсарский фрегат, обманчивое море, ветер, чей шум подобен крику альбатроса. Но, как и Н. Тихонов, поэт осознал книжность такой романтики. В конце стихотворения звучит то же признание, что и у Н. Тихонова: к романтическим книжным иллюзиям возврата быть не может:

Рубай же ланцюги,
Зривайся із причалу,
Бо не в чорнильницях фрегат шукає шквалу. [1, т. 1, с. 118]

И у Н. Тихонова, и у М. Бажана мы наблюдаем, как романтическое начало в лирическом характере перерастает в реальную жизнь, действительность. Г. Ломидзе писал об этом: «Происходит не «отпочкование» романтизма от реализма, а преобразование эстетической природы романтического искусства, которое ищет новые художественные опоры» [6, с. 122].

Политическая основа творчества обонх поэтов завоевана в битве и потому была особо закаленной. Необходимость своего творчества поэты сверяли с призывом боевой трубы: может ли их герой стать рядовым в этом великом бою за справедливость? Отказываясь от романтических грез, утопий, и Н. Тихонов, и М. Бажан ответили на вопрос, кому должен служить их романтический герой, для чего он призван: «Я сердце свое, как боксер — кулак, Для боя в степях берегу» [17, т. 1, с. 109] — таковы заключительные строки стихотворения Н. Тихонова. М. Бажан, обращаясь к своему лирическому герою, наставляет, чтобы тот, как муж и воин, не дал

В часи смертельного авралу
І компасу,
І серцю
Метнутись... убік. [1, т. 1, с. 118]

Категорически заявляя об уходе от надуманных образов, поэты в вышеприведенных строках определили новое качество своего романтического героя, идущего к новым жизненным свершениям.

Шло время. Новые темы, образы появлялись в творчестве Н. Тихонова и М. Бажана. Но по-прежнему являлись им герои гражданской войны, и это роднило поэтов. Правда, теперь, в

30-е годы, они пишут несколько по-новому о воинах, беззаветно служивших делу революции. Такое ретроспективное обращение было обусловлено желанием посмотреть на сегодняшний день Отчизны глазами тех, кто воевал за ее счастье, осмыслить духовную и нравственную преемственность героев 20-х и 30-х годов. Свидетели и участники революции все глубже выражают мысль о совершенствовании концепции советского человека: от человека-аскета 20-х годов к многообразной личности 60—70-х годов. Герой лирической поэмы М. Бажана «І сонце таке прозоре» (1936 г.), садовник, обнаружив могилу красноармейца, нашел в ней алую звездочку. Размышляя о судьбе воина, он отмечает те его черты, о которых никогда прежде не говорилось:

...Він вмів проказувать слова
І вироку на смерть, й дитячу колисапку,
І формулу складних хімічних варив.
Він вмів наказувать. Він цілував і марив,
Він зганьблював і гнав,
сміявся і судив. [1, т. 1, с. 151]

Иной художественный прием избрал Н. Тихонов для рассказа об участниках гражданской войны. Звучит, поэт, переливается у него всеми тонами «Ночной праздник в Алаверды» (из сборника «Стихи о Кахетии»). Здесь встретились бывшие партизаны, рыбаки Алазани, охотники гор. Но в разгар веселья появились слепые музыканты, «скромность их почти пугала среди праздничной орды». На линялом шлеме одного из них поэт увидел след красной звезды. Вспыхнувшее чувство столь сильно, что ему кажется:

Словно был я партизаном
В Алазанской стороне
И теперь увидел заново
Этот край, знакомый мне. [17, т. 1, с. 227]

Прежде Н. Тихонова сильнее всего потрясал безграничный героизм воинов, умение выстоять перед лицом смерти в бою, теперь же он подмечает и их нравственное величие, скромность, талантливость. Даже слепые, они передают людям своими песнями высокие чувства, благородные мысли. Участие в гражданской войне обогатило их не только идейной убежденностью, но и духовной красотой. Оба поэта, и Н. Тихонов, и М. Бажан, показали, что в героях гражданской войны можно находить новые качества, можно по-новому говорить о них.

Раньше, в балладах, романтический стиль Н. Тихонова и М. Бажана имел целый ряд явно сходных черт. 30-е же годы — пора зрелости поэтов, и все труднее становится выделить в их творчестве чисто романтическое начало. Поэты, обогащенные жизненным и творческим опытом, становятся более аналитичными, и это соответственно влияет на их романтический стиль. Правда, по-прежнему герой гражданской войны у них обоих еще не индивидуализирован, это все еще представитель общей

легендарной когорты. Но теперь поэты рассказывают о нем художественно разнообразнее. М. Бажан все более проявляет склонность к философским обобщениям. Слог его повествования становится размышляюще спокойным, детализированным. Романтизм украинского поэта философски-эпического плана. Идейно-художественные искания Н. Тихонова, проникновение в глубь национальной культуры, близкое знакомство с духовной жизнью, природой Грузии привнесли в его поэзию новые качества. Она приобрела ту прозрачность, гармоничность, которые являются признаком высокого мастерства. Гражданское начало, отличавшее его баллады, соединилось с лиризмом, задушевностью.

Романтика воображения Н. Тихонова переросла в романтику энергичной жизнедеятельности. Социалистическая действительность расширила и углубила представление поэтов о героизме. От локального изображения подвига в балладах М. Бажан в поэме «Безсмертя» (1935—1937 гг.), а Н. Тихонов в поэме «Киров с нами» (1941 г.) вплотную подошли к развернутой характеристике героя социалистической действительности, его характера, психологии.

Непреходящий интерес русского и украинского поэтов друг к другу дает основание говорить об их близости в процессе работы над образом С. М. Кирова. В 30-е годы Н. Тихонов обращается к его личности в стихотворениях, статьях, очерках, фильме. Можно согласиться с В. Ковалевским, полагающим, что поэтическая мысль «Тобою, Киров, как знамена, снега Осетии зажглись» из тихоновского стихотворения «Гомборы», вдохновила несколько позднее М. Бажака [5, с. 23]. Но, вместе с тем, необходимо отметить, что единые творческие интересы поэтов определялись не простым созвучием отдельных мотивов, эпизодов, сцен, а общими социальными, идейно-художественными принципами освещения личности С. М. Кирова.

Для раскрытия героического характера Кирова оба поэта обращаются к описанию исключительных ситуаций, в которых наиболее сильно проявилась его политическая убежденность, самоотверженность. Их рассказы о Кирове отличаются романтической приподнятостью, величием, что обуславливает в поэмах ритмомелодику героического звучания. Мастерски соотносит, сближает М. Бажан образ Кирова и знамени. Подобный художественный прием использовал в поэме и Н. Тихонов. У обоих поэтов произведения выдержаны в символических красно-черных тонах. И Н. Тихонов в поэме «Киров с нами», и М. Бажан в первой повести «Прапор», открывающей поэму «Безсмертя», передают динамику поступков Кирова, используя приемы героико-романтической революционной поэтики, они созвучны, перекликаются друг с другом. Там же, где М. Бажан передает широту духовного мира Кирова (повесть «Ніч перед боем»), он проявляет свою неповторимую художественную индивидуальность.

Тема защиты завоеваний революции, волновавшая поэтов братских народов, вновь обрела особую актуальность в годы Великой Отечественной войны. Предельная напряженность военных лет снова вызвала к жизни романтические жанры, и прежде всего — балладу. В «Балладе с трех коммунистах» Н. Тихонова и в «Балладе про подвиг» М. Бажана наблюдается не только родство с балладами времен гражданской войны (высокая эмоциональность, динамика повествования), но и появление новых художественных средств, приемов (конкретность образов героев, усиление лиризма, активное использование героического эпоса).

Самоотверженность Н. Тихонова как воина и писателя в блокадном Ленинграде вызывала чувство уважения, солидарности у поэтов-побратимов. М. Рыльский посвятил Н. Тихонову стихотворение «Ленинград» (1943 г.). П. Тычина на заданный в это грозное время вопрос татарского поэта Сайфи Кудаша, у кого учиться, среди лучших поэтов-наставников назвал Н. Тихонова [9, с. 227].

Творческая эволюция Н. Тихонова от романтического воплощения героики подвига («Перекоп», «Баллада о гвоздях», «Баллада о синем пакете») к емкому раскрытию целостной личности героического современника («Киров с нами») свидетельствует о непреходящей типологической близости русского поэта с выдающимися украинскими мастерами слова. Н. Тихонов сумел воплотить то лучшее, что сформировалось в советском человеке благодаря завоеваниям Октября и поэтому было близко по духу, созвучно по художественному выражению ведущим украинским поэтам. В процессе сближения расширялся эстетический диапазон поэтов, обогащался их личный художественный опыт, как и опыт всей советской многонациональной литературы.

Со становлением и укреплением социалистического общества все более разнообразные формы приобретали связи Н. Тихонова с украинской литературой. Стремясь как можно скорее «убрать стенку молчания между поэтами разных национальностей Союза» [17, т. 6, с. 256], Н. Тихонов с большим энтузиазмом переводил грузинскую поэзию, заботился о качестве переводов украинской поэзии. На страницах украинской «Литературной газеты» он рассказывает о том, что познакомился с переводами на русский язык «Черной эпопеи» И. Кулика, «Стихотворений» П. Тычины. «Выражаю сочувствие украинским поэтам, — продолжает Н. Тихонов. — Откровенно скажу, что переводы сделаны «беспощадно», жестоко! Из стихотворений выхолощена эмоциональность, интонации и многое другое» [2].

Как председатель Правления Ленинградского союза писателей, Н. Тихонов принимал в 30-е годы значительные меры для улучшения поэтических переводов украинской поэзии. В творческую поездку на Украину он направил лучших поэтов-переводчиков: А. Прокофьева, М. Комиссарову, Н. Брауна, В. Сая-

нова, которые должны были работать над антологией украинской поэзии. «Уже имена участников бригады свидетельствуют о том, — говорил Н. Тихонов, — какое значение придали мы этому большому труду» [16].

Заметно участились встречи писателей братских республик на совместных пленумах, конференциях, совещаниях. В 1936 г. Н. Тихонов в числе многих писателей братских республик принимал участие в совещании украинских поэтов.

Развитие творческого взаимодействия Н. Тихонова с украинской литературой происходило в процессе усиления типологической близости и контактных связей, в результате активного освоения культурного наследия братского народа. В 1939 г. он вместе с А. Сурковым, Н. Асеевым, М. Исаковским принимал участие в издании на русском языке «Кобзаря», перевел «Заповіт», присутствовал на праздновании 125-летия со дня рождения великого украинского поэта. Личность Т. Шевченко — пламенного революционного демократа — вдохновляла русского поэта на дальнейшее единение советских народов. В годы Великой Отечественной войны, когда особенно важно было взять на вооружение патриотические традиции классического наследия, Н. Тихонов обратился к имени и творчеству Шевченко.

В послевоенное время интерес Н. Тихонова к Украине проявляется все интенсивнее, плодотворнее. Он участвует в декадах украинского искусства и литературы в Москве, в писательских съездах республики, в праздновании 300-летия воссоединения Украины с Россией. О единстве братских народов, которое лелеял в мечтах Т. Шевченко, пишет Н. Тихонов в стихотворении «Слово на Тарасовой горе в Каневе». С живой заинтересованностью отнесся Н. Тихонов к проведению мероприятий к 100-летию со дня смерти (1961 г.) и 150-летию со дня рождения (1964 г.) Т. Шевченко. В многочисленных статьях, выступлениях («Певец семьи великой», «Светлое имя», «Праздник братства», «Великий гнев, великая любовь», «Слово о Шевченко») Н. Тихонов находит каждый раз новые аргументы, краски, позволяющие полнее раскрыть величие Кобзаря. Различные по замыслу, композиции, краскам стихотворения Н. Тихонова «На горе, на Чернечьей», «Что жизни мелочи и горечи», «Россия, Украина — дружба вечна», «Моринцы», «За Днестром, за большими полями», но в каждом из них воплощен образ Т. Шевченко, его идеи, мотивы его поэзии.

В 1964 г. Н. Тихонов возглавил Всесоюзный юбилейный комитет, который всемерно способствовал широкой пропаганде наследия Т. Шевченко. Общественная, творческая отдача Н. Тихонова в популяризации творчества великого Кобзаря была достойно оценена: он стал лауреатом Государственной премии СССР имени Т. Г. Шевченко.

Привлекает и серьезное внимание Н. Тихонова к наследию И. Франко, Леси Украинки. Как глашатаю дружбы народов, Н. Тихонову особенно близок их интернационализм. В творче-

стве И. Франко он подчеркивает огромный вклад писателя в братский союз русского и украинского народов (статья «Великий Каменяр»). Раскрывает он и активный интернационализм Леси Украинки (статьи «Голос вешней бури», «Окрилена мрією», «Поэзия борьбы и мечты»). Постигая эстетический мир украинской литературы, Н. Тихонов не только сам становился духовно более зрелым, обогащенным, но и энергично, всемерно приобщал ее к ценностям многонационального советского читателя.

Л и т е р а т у р а

1. Бажан М. Поезії та поеми. Твори. У 2-х т., т. 1, К., «Дніпро», 1965.
2. Беляев В. За обмен творческим опытом. — «Литературная газета», 1934, 13 декабря.
3. Гринберг И. Творчество Николая Тихонова. М., «Советский писатель», 1972.
4. Кобилецький Ю. Серце палаюче. — В кн.: Павлові Тичині. К., «Радянський письменник», 1961.
5. Ковалевський В. Поет революційної героїки М. С. Тихонов. К., «Знання», 1956.
6. Ломидзе Г. Ленинизм и судьбы национальных литератур. М., «Современник», 1972.
7. Луначарский А. В. Собр. соч. В 8-ми т. М., «Художественная литература», 1963—1967.
8. Новиченко Л. Поезія і революція. К., Держлітвидав, 1959.
9. Павлові Тичині. К., «Радянський письменник», 1961.
10. Письмо Н. Тихонова М. Рыльскому, 1954 г., Институт литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР. Отдел рукописей.
11. Рыльский М. Сочинения В 4-х т. М., «Художественная литература», 1963.
12. Соловьев Б. Николай Тихонов. М., ГИХЛ, 1958.
13. Творчество Николая Тихонова. Л., «Наука», 1973.
14. Тихонов Н. В далекие двадцатые-тридцатые годы. — В сб.: День поэзии, 1972. М., «Советский писатель», 1972.
15. Тихонов Н. В союзе нерушимом. — «Дружба народов», 1972, № 2.
16. Тихонов Н. Мерило нашей работы — книги. — «Литературный Ленинград», 1935, 8 октября.
17. Тихонов Н. Собр. соч. В 6-ти т. М., ГИХЛ, 1958—1959.
18. Турков А. Николай Тихонов. М., «Знание», 1960.
19. Тичина П. Вибрані твори. В 3-х т. К., Держлітвидав України, 1957.
20. Шошин В. Гордый мир. Очерк творчества Н. С. Тихонова. М.-Л., «Художественная литература», 1966.

*Кафедра русской и зарубежной литературы
Херсонского пединститута.*